

УДК 94"04/15":321.011

ЖАН БОДЕН И ТОМАС ГОББС: В ПОИСКАХ ИДЕАЛЬНОГО ГОСУДАРЯ*Д. С. Мутюрёва***JEAN BODIN AND THOMAS HOBBS: IN SEARCH OF THE PERFECT SOVEREIGN***D. S. Mityureva*

В статье предпринимается попытка проследить рецепцию политических идей Жана Бодена в трудах Томаса Гоббса. Анализ глубины взаимосвязи политических традиций Франции и Англии может помочь нам пролить свет на представления европейских мыслителей Раннего Нового времени об идеальном государственном устройстве, которые появлялись в процессе этой негласной дискуссии. Боденовская теория суверенитета является важнейшим элементом, который впоследствии лег в основу учения Томаса Гоббса. Это легко можно проследить на примере теории гражданского послушания, нашедшей отражение у обоих авторов. Однако представляется интересным не только убедиться в этой гипотезе, но и сравнить другие сюжеты, волновавшие Бодена и Гоббса и определившие ход развития современной правовой и политической мысли. В статье сделано предположение о том, что интеллектуальная связь между идеями Бодена и Гоббса может быть сильнее, чем принято считать в историографии.

The paper deals with the reception of Jean Bodin's political ideas in the works of Thomas Hobbes. The analysis of the relationship between the political traditions of France and England helps understand the presentation of the ideal political system of European thinkers of the Early Modern period. Bodin's theory of sovereignty is an essential part of Thomas Hobbes's doctrine. This may be verified in the theory of civil obedience, as it is reflected in both authors' works. The paper attempts to verify this hypothesis and other themes by comparing the subjects and issues raised in the works of Bodin and Hobbes that determined the development of modern legal and political thought. The paper suggests that the relationship between Bodin's and Hobbes's intellectual ideas may be stronger than it is assumed in the historiography.

Ключевые слова: Боден, Гоббс, абсолютизм, суверенитет, божественный закон, естественный закон, послушание.

Keywords: Bodin, Hobbes, absolutism, sovereignty, divine and natural law, obedience.

На страницах исторических исследований, посвященных судьбе интеллектуалов Раннего Нового и Нового времени, нередко можно встретить сравнение концепций двух политических мыслителей, которые заложили основы современной европейской политической мысли. Политическая философия Жана Бодена и Томаса Гоббса была сосредоточена на рассмотрении общественного порядка с точки зрения укрепления власти абсолютного монарха, который устанавливал бы законы и обеспечивал порядок и стабильность в обществе, потребность в которых по мере нарастания политической и социальной напряженности ощущалась все сильнее. Сложилась устойчивая историографическая традиция, согласно которой считается, что Гоббс заимствовал идею суверенитета у Бодена и вывел ее на новый более качественный уровень [16, с. 2 – 8; 17, с. 234 – 241]. Однако анализ метафорически изложенных концептов философии Бодена позволяет задать некоторые новые вопросы к проблеме рецепции его идей. В этой связи представляется интересным еще раз обратить внимание на некоторые параллели, отчетливо просматривающиеся в трактатах «Шесть книг о государстве» и «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского».

В первую очередь важно отметить, что часто в кругу историков идей делается акцент на средневековом мышлении Бодена. Справедливости ради надо сказать, что такое утверждение не лишено оснований: как интеллектуал и яркий представитель эрудитской школы, ученый впитал в себя дух, метод и сущность

схоластического учения. Несмотря на смелые заявления автора о революционном разрыве с предшествующей историографической традицией, безусловно, истоки его воззрений следует искать в традиционных для Средневековья концепциях. Однако сложно согласиться с исследователями утверждающими, что прогресс концепции Гоббса по сравнению с идеями Бодена заключается именно в том, что его философия более секуляризирована, а боденовская – в большей степени зависит от теологии. Рассмотрим подробнее этот аспект.

Во-первых, вопрос о религиозной принадлежности Бодена не может быть разрешен однозначно: официально он был католиком, в ранних дружеских письмах говорил о своих симпатиях к кальвинизму, в поздних трактатах развивал идеи о естественной религии. Не вызывает сомнений, что религиозно-политическая обстановка во Франции XVI в. и сила католического духовенства обязывала Бодена как государственного служащего присягать на верность официальной религии, однако сам склад ума Бодена был прежде всего политическим, а не религиозным. Мысль его была в большей степени практическая, хотя и была насквозь пронизана мифологическими представлениями. К этой религиозной индифферентности присоединилось осознание того, что тягостные смуты, столь долго тревожившие его страну, не в последнюю очередь были продуктом религиозных притязаний. В этот период можно наблюдать устойчивое безразличие к религиозным вопросам не только у Бодена: достаточно вспомнить Генриха IV, неоднократно

но меняющего одну религию на другую для достижения известного политического результата.

Во-вторых, сравнивая парадигмы Бодена и Гоббса нельзя забывать о том, что мы имеем дело с разными политическими традициями. Во Франции идея сакральности королевской власти опиралась на христианское представление о ее божественном происхождении. И хотя, согласно евангельскому учению, всякая власть – от Бога, божественность власти короля приобретала особое значение благодаря обряду миропомазания, совершавшемуся при коронации, традиция которого во Франции берет начало с восшествия на престол Пипина Короткого. А с XIII в. в литературе даже начинает проследиваться мысль, что французские короли, в отличие от других, наделены особой божьей милостью: «Несомненно, что король Франции пользуется особой милостью Св. Духа благодаря миропомазанию, ибо его мажут на царство наиболее чудесным образом, как ни одного другого короля, – миром из Священной Скланки, ниспосланной ангелом небесным, и это доказывает, что французские короли мажутся не только по человеческому установлению, но и по велению Отца и Сына и Св. Духа» [11, с. 197]. Таким образом, Бодену было бы сложно отказаться от традиции обожествления королевской власти, на которой в XVI в. зиждилась власть монарха. Кроме того, это стало бы противоречить принципу редуционизма, который проследивается во всех трактатах Жана Бодена, начиная с «Метода легкого познания истории» и заканчивая «Театром природы» [12].

В общественно-политической мысли Англии XVI – начала XVII в. также активно продвигалась идея о том, что суверенитет светского государя незыблем, так как получен он не от народа, а непосредственно от Всевышнего. Самым ярким защитником этой теории был английский король Яков I. В качестве аргумента такой концепции юристы общего права и даже значительная часть англиканского духовенства как раз и использовали боденовское учение о суверенитете. Однако это учение натолкнулось в Англии на древние парламентские привилегии. Известно, что многие английские антиквари и юристы мифологизировали историю парламента, уводя корни его возникновения в англо-саксонские времена. По традиционалистской логике древность укрепляла и поднимала авторитет парламента, позволяя его членам отстаивать свои привилегии и вольности в дискуссиях с королевской властью. В ходе обсуждения 1628 г. знаменитой Петиции о праве Эдвард Кок заявил, что «суверенная власть» – не парламентский термин. Он ослабляет Великую Хартию и все прочие статуты. <...> Приняв его, мы поставим суверенную власть выше всех законов. Власть по праву мы заменим на власть на силе. <...> Он противен нашей петиции, которая является петицией о праве, опирающейся на акты парламента. <...> Давайте держаться наших привилегий в соответствии с правом» [9]. Таким образом, часть английского дворянства понимала под «суверенитетом» верховную власть, ничем не связанную и никем не ограниченную. Такой властью, по их мнению, владели короли Франции и Испании, и она несовместима с вольностями подданных Англии.

Однако разные взгляды на природу королевской власти, обусловленные соответствующими традициями, не были помехой для провозглашения обоими апологетами абсолютизма необходимости формирования институционального порядка, который покончил бы с феодальным обществом, тормозившим развитие государства. Социальные потрясения и ситуация постоянного политического конфликта дала толчок для поиска искусственного порядка путем создания государства, регулируемого законами. Оба мыслителя понимали закон как инструмент и неперемное условие для обеспечения «послушания» (obedience). Ссылаясь на Аристотеля, Боден провозглашает идею о том, что «пока государство действительно сильно, власть продолжает укрепляться, возможно даже, что она находит свое краткое и сжатое выражение в решениях, приказах и наказаниях» [4, с. 137]. Потребность во внутреннем мире любой ценой также ярко видна во всех построениях Гоббса: недаром он первым основным законом природы считает правило «Pax quaerenda est» (должно искать мира) [7]. Одной из самых главных причин ослабления государства Гоббс называет «недостаточность абсолютной власти»: «Одна из этих немощей состоит в том, что человек, добившийся королевства, довольствуется иногда меньшей властью, чем та, которая необходима в интересах мира и защиты государства» [8, с. 250 – 251].

В этой связи интересно обратить внимание на парадокс: взгляды обоих мыслителей, несмотря на их явную поддержку правящего режима, не были приняты соответствующими политическими элитами. Когда появился «Левиафан» Гоббс лишился милости короля и был обвинен в недостатке лояльности. Под видимым консерватизмом Гоббса скрывались такие тенденции, которые делали его весьма опасным для традиционной политики Стюартов. Попытка Гоббса вывести абсолютизм из первобытного договора может быть воспринята двояко: если в основе всего государственного строя лежит свободное соглашение частных волей, то одно это расшатывает здание абсолютной власти. Не избежал нападков со стороны правящей элиты и Боден. Некто Де-ла-Серр написал отзыв о трактате «Шесть книг о государстве» под заглавием «Доклад королю о губительных учениях, содержащихся в книге Бодена». Де-ла-Серр видит в Бодене скрытого кальвиниста, который побуждает протестантов к восстанию. Так была понята проповедь широкой веротерпимости, с помощью которой Боден хотел устранить всякие поводы к внутренним смутам [13].

События, ставшие фоном для написания «Левиафана», придали дополнительную яркость теории Гоббса о происхождении государства. Естественное состояние мыслитель характеризует как «войну всех против всех», которая грозит обществу самоистреблением. Отсюда жизненная необходимость для всех людей сменить естественное состояние на состояние государственное. Суверенная власть таким образом учреждается путем общественного договора, который заключают между собой индивиды. Позднее договорная теория появления государства стала считаться более прогрессивной по сравнению с представлениями Бодена о божественном происхождении королев-

ской власти. Но почему-то исследователи прошли мимо того факта, что и Боден не был так уж консервативен в этом вопросе: «Кто сомневается в том, что любая великая империя выросла как противовес анархии, в борьбе с разрушительными силами?». Примечательно, что, несмотря на несомненное признание необходимости монархии, Боден пишет не о подданных, а о гражданах, объединенных государством [4, с. 138].

Как бы то ни было, сам Гоббс считал вполне обоснованным утверждение, что власть, установленная по договору, должна быть безусловной и неограниченной. И в этом пункте Гоббс практически повторяет Бодена. Он утверждает, что при всякой форме правления всегда можно указать некоторую высшую власть, которой подчинены все другие, но которая сама не подлежит никакому контролю. Установленная волей граждан, она не может быть уничтожена по их произволу. Актом договора они связали себя обязанностью подчинения, от которой не могут отступить. В неограниченности и неделимости суверенной власти Гоббс видит залог сохранения мира в государстве: «Если бы раньше большая часть населения Англии не придерживалась мнения, что указанные права были разделены между королем, лордами и палатой общин, то народ никогда не был бы разделен и дело не дошло бы до гражданской войны» [8, с. 141]. При этом суверен, будучи сам подданным Бога, должен соблюдать естественные законы и обеспечивать безопасность народа, под которой подразумевается «обеспечение за всяким человеком всех благ жизни, приобретенных законным трудом, безопасным и безвредным для государства» [8, с. 260].

Стремление Бодена поставить суверена над законом в «Шести книгах о государстве» нередко приводило к тому, что его политическую теорию также интерпретировали как теорию неограниченной власти монарха [6, с. 406; 10, с. 113 – 117]. Монарх, по Бодену, обладает суверенитетом и властью над жизнью и смертью своих подданных, а государством управляет при помощи своего совета, консулов, канцлеров и других государственных служащих. При этом подданные не должны осуждать и противиться воле государя, т. к. им не дано понять тонкостей государственных дел [15, с. 160]. Между тем Боден, настаивая на том, что монархическая власть должна быть неограниченной, вместе с тем расписывает и систему ограничений суверенной власти [3].

Таким образом, главная задача мыслителей состоит в том, чтобы поддержать сильную власть, но при этом выяснить и установить гарантии для ее правомерного действия.

Резюмируя сказанное можно отметить, что юридическая новация Бодена была в требовании универсальных законов, созданных на основе божественных законов, суверенных правил, продиктованных людям. Однако в своей философской системе Боден обращается к Богу как единственной опоре для подчинения законам. В отличие от него, правовая философия Гоббса «светская» и фигура Бога стирается с политической карты. Монарх создает законы в соответствии с социальными и политическими обстоятельствами, эти законы должны выполняться, т. к. они полезны для

самых подданных. Отказ подчиняться должен был быть наказан. Правовая философия Гоббса является несомненно более светской, потому что в его концепции законы являются продуктом земного царства, а не небесного. Именно благодаря трудам Гоббса начинает обретать форму современная политическая наука. Мыслитель стоит во главе процесса секуляризации: он хотел дать научное или математико-геометрическое обоснование государства [14, с. 279].

Но в этом случае опять необходимо сделать несколько оговорок. Во-первых, не будем забывать о том, что и Боден искал гармоническую справедливость в государстве в арифметических и геометрических построениях [1, с. 160 – 183]. Боден пишет: «Нельзя утверждать, что королевское государство является наилучшим, если не учесть, что оно должно быть смягчено аристократическим и народным правлением посредством гармонической справедливости, которая состоит из геометрической справедливости и арифметической, которые более подходят аристократическому и народному государствам, что делает монархическое государство простым, а правление – смешанным и смягченным без всякой путаницы трех {типов правления} государств» [5].

Во-вторых, и парадигма Гоббса все же не лишена теологических составляющих. Говоря о Боге, Гоббс пишет: «Естественное право, при помощи которого Бог царствует над людьми и наказывает тех, кто нарушает Его законы, должно быть произведено ... из Его *непреодолимого могущества*» [8, с. 277 – 278]. Таким образом, первопричиной для Гоббса, также как и для Бодена, является Бог. Можно проследить и боденовское влияние на представления Гоббса о суверене, в основе которых – убеждение в том, что соглашение между людьми и Богом может быть заключено лишь при посредничестве наместника Бога на земле, обладающего верховной властью [2].

Таким образом, можно предположить, что Жан Боден в своих взглядах не так уж сильно отставал от Томаса Гоббса. Основной целью мыслителей был поиск выхода из кризисной ситуации: и в том, и в другом случае можно говорить о том, что защита монархической идеи является скорее продуктом холодной логики, чем истинного монархического чувства. Оба еще не были готовы отказаться от теологической интерпретации истории, хотя XVII век рационализма позволил Гоббсу быть более смелым в суждениях. Более того, Гоббс творил уже в то время, когда в интеллектуальной среде было «модно» говорить об освобождении науки от оков теологии. Конечно, Томас Гоббс был человеком абсолютно новой эпохи, которая в большей степени порвала с традициями Средних веков. Однако Гоббсу, вне всякого сомнения, все же не была чужда тяга к метафорам и различного рода иносказаниям, на которые так богаты трактаты Средневековья. Скорее всего, он видел в сочинениях Бодена больше, чем тот в силу обстоятельств мог себе позволить озвучить прямо. И это в очередной раз напоминает нам о том, насколько важно для правильной интерпретации идеи исследовать среду, в которой она появляется, и возможность ее провозвестника свободно высказывать свои мысли.

Литература

1. Баязитова Г. И., Митюрёва Д. С. В преддверии рождения государства: язык, право и философия в политической теории Жана Бодена. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. 240 с.
2. Баязитова Г. И. К вопросу о божественном и естественном законах в политической философии Жана Бодена и Томаса Гоббса // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 10. С. 106 – 109.
3. Баязитова Г. И. «Суверенитет есть власть абсолютная и непрерывная...». К вопросу об ограничении суверенной власти в «Шести книгах о государстве» Жана Бодена // Clavis medii aevi. Вып. 2. Тюмень: Печатник, 2007. С. 146 – 155.
4. Боден Ж. Метод легкого познания истории / под ред. М. С. Бобковой. М.: Наука, 2000. 412 с.
5. Боден Ж. Шесть книг о государстве [пер. Г. И. Баязитовой] // Историописание и историческая мысль западноевропейского Средневековья: в 3-х кн. Кн. 3: XV – XVII века: практикум-хрестоматия; ав.-сост.: М. С. Бобкова, С. Г. Мереминский, А. И. Сидоров. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 219 – 229.
6. Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л.: Наука, 1964. 483 с.
7. Гаджиев К. С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 19 – 35.
8. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / под ред. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1991. 731 с.
9. Кондратьев С. В. В праве места нет «суверенитету» (Об одном коротком обсуждении в парламенте 1628 г.) // Европа: международный альманах. Вып. 3. Тюмень: Издательство Тюменского государственного суверенитета, 2003. С. 67 – 74.
10. Косминский Е. М. Историография средних веков V в. – сер. XIX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. 430 с.
11. Малинин Ю. П. Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции XIV – XV вв. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2000. 236 с.
12. Митюрёва Д. С. «Весь мир – театр»: семантические коды в политической философии Жана Бодена // Европа: международный альманах. Т. XIII/1–2. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2014. С. 60 – 66.
13. Новгородцев П. И. Лекции по истории философии права. Учения нового времени, XVI – XIX вв. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1914. 234 с. Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc108p0/instrum5264/> (дата обращения: 20.02.2015).
14. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / пер. с нем. Д. В. Кузницына. СПб.: Владимир Даль, 2006. 300 с.
15. Bodin J. Les six livres de la République. P.: par J. Du Puys, 1579. 1058 p.
16. Politique, droit et théologie chez Bodin, Grotius et Hobbes / sous la direction de Luc Foisneau. P.: Kimé, 1997. 314 p.
17. Skinner Q. The Foundation of Political Thought. Vol. 2. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1978. 432 p.

Информация об авторе:

Митюрёва Дарья Сергеевна – аспирант кафедры новой истории и международных отношений Тюменского государственного университета, dmiturova@yandex.ru.

Daria S. Mityureva – post-graduate student at the Department of Modern History and Internationals Relations, Tyumen State University.

(Научный руководитель: Кондратьев Сергей Витальевич – доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и политических наук Тюменского государственного университета, skondratiev@utmn.ru).

Academic advisor: Sergey V. Kondratiev – Doctor of History, Full Professor, Director of the Institute of History and Political Sciences, Tyumen State University).

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.